

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2023, Том 15, № 3 / 2023, Vol. 15, Iss. 3 <https://esj.today/issue-3-2023.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/36ECVN323.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Агапов, Г. А. Концепция «нового средневековья» и современный менеджмент: к постановке проблемы /

Г. А. Агапов // Вестник евразийской науки. — 2023. — Т. 15. — № 3. — URL:

<https://esj.today/PDF/36ECVN323.pdf>

For citation:

Agapov G.A. The concept of the «coming dark age» and modern management: to the formulation of the problem. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023; 15(3): 36ECVN323. Available at: <https://esj.today/PDF/36ECVN323.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Агапов Глеб Александрович

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Филиал в г. Смоленск, Смоленск, Россия

Доцент

Кандидат исторических наук

E-mail: gaagapov@fa.ru

Концепция «нового средневековья» и современный менеджмент: к постановке проблемы

Аннотация. В статье проанализированы некоторые аспекты одной из самых заметных теорий, описывающих возможные сценарии развития наиболее развитых стран мира, концепции «нового средневековья» итальянского математика и писателя Роберто Вакки. Автором проанализированы ключевые положения данной теории, а именно концепт «большой системы», ее устройство и сценарии возможного распада. Значительное внимание в статье уделяется интерпретации Р. Ваккой роли и места информации в современном мире, анализируются ключевые положения его теории, касающейся проблем использования данных в современном менеджменте. Особое внимание уделяется доказательству теоретических положений Р. Вакки на актуальном материале. Затронута также и проблема использования новейших средств для анализа информации в современном менеджменте. Автором были исследованы взгляды ученого на проблемы образования и подготовки кадров в контексте современного кадрового менеджмента. Актуальные проблемы обучения и переобучения персонала были изучены в сравнении и сопоставлении с образовательными практиками средневековья. Объектами компаративного анализа, выполненного на конкретном материале источников, стали как средневековые университеты, так и внутрицеховые образовательные модели. В статье было уделено внимание проблемам экспертной оценки знания, разрабатываемым в труде Р. Вакки, предложениям ученого о новых способах сохранения информации в условиях «нового средневековья». Автором были изучены и конкретные предложения ученого по смягчению негативных последствий от наступления этого предполагаемого периода. Концептуальные положения Р. Вакки были проанализированы в широком историографическом контексте, труды специалистов по теории менеджмента и истории развития экономики. Для большей эвристической полезности отдельные выбранные нами тезисы итальянского ученого анализировались в сравнении с наиболее популярными концепциями, также апеллирующими к средневековью, а именно, «новой ремесленной экономики» и «цифрового средневековья».

Ключевые слова: Р. Вакка; «новое средневековье»; «цифровое средневековье» новая ремесленная экономика; обучение персонала; переобучение персонала; современный кадровый менеджмент

Избранная автором проблематика может показаться несколько неожиданной для статьи, публикуемой в издании, специализирующемся на проблемах менеджмента. Как правило, абсолютное большинство публикаций посвящено современным проблемам управленческого труда, анализу актуальных примеров. Исследованиям, носящим исторический характер, в данном случае, в области менеджмента и управления, уделяется гораздо меньше места. Не оспаривая данную тенденцию, отметим, что исследования в области истории управленческой мысли представляют не только чисто познавательную, но и определенную практическую ценность, так как одна из главных функций истории вообще и истории управления в частности, — прогностическая. Только при обладании достоверными знаниями о прошлом возможен адекватный ответ на вызовы настоящего.

Однако развернутого обоснования требует обращение к средневековой проблематике в исследованиях по истории менеджмента и попытках связать их с современностью. Традиционно сами понятия «средневековье» и «менеджмент» в специализированной литературе по истории управленческой мысли и менеджмента подразумеваются как противостоящие друг другу, несовместимые между собой. Менеджмент, как будет показано ниже, чаще всего рассматривался как неотъемлемая черта современности, истоки которой лежали на рубеже XVIII–XIX вв. Самоочевидным для многих исследователей было принципиальное различие между двумя большими историческими периодами, средневековьем и Новым временем. Свойственное многим специалистам линейное понимание прогресса приводило к концентрации внимания на классических, эталонных формах того или иного явления при зачастую поверхностном и неглубоком анализе переходных периодов. Отмеченный выше прогрессизм во многих случаях накладывался на несоответствующие действительности представления о средневековьи как о времени упадка и разрушения, воспроизведении в трудах различных элементов «черной легенды» о средних веках.

Исходя из вышесказанного, главной задачей данного исследования является рассмотрение иных точек зрения на проблемы современного менеджмента и управления, в частности, теории «нового средневековья» Р. Вакки.

Для достижения данной цели нами были поставлены следующие исследовательские задачи:

- Изучить некоторые концептуальные представления о проблеме возникновения менеджмента в современной литературе.
- Проанализировать взгляды на будущее развитие менеджмента в трудах некоторых теоретиков.
- Исследовать некоторые значимые, по нашему мнению, аспекты теории Р. Вакки, имеющие наиболее выраженные параллели со средневековьем.
- Сопоставить отдельные положения концепции Вакки с другими теориями, также имеющими отношение к средневековой проблематике.

Методологической основой статьи явились историко-сравнительный и историко-типологический методы, что в значительной степени объясняется ее сравнительно-сопоставительным характером.

Взгляды на проблему возникновения менеджмента в современной литературе

Вопрос появления менеджмента как особого способа осуществления управленческой деятельности относится к числу основных в истории управления. Как и любая масштабная научная проблема, он далек от своего окончательного разрешения, что объясняет

существование различных точек зрения на нее. Одним из самых распространенных подходов, существующих в учебной и научной литературе, является тот, который связывает генезис менеджмента со структурной перестройкой европейской экономики, а именно возникновением и распространением рыночных структур. Так, например, видный специалист по экономической истории Р.Л. Хайлбронер в качестве последней формы организации экономики выделяет рынок [1]. По Хайлбронеру, именно рынок, возникающий в XVII в., порождает предпосылки для возникновения относительно крупных предприятий и менеджмента, как основного способа управления ими. Сходной аргументации придерживается и другой видный историк экономики К. Поланьи, противопоставляющий рыночную экономику и тесным образом связанные с ней определенного типа управленческие структуры, формам, таким как реципрокция и редистрибуция [2].

Аналогичные выводы, связывающие возникновение менеджмента с определенным технико-экономическим укладом, содержатся в работах Д. Белла [3] и Э. Тоффлера [4]. Именно Белл дал развернутое описание индустриального общества, а Тоффлер, развивая и дополняя идеи Белла, использовал в своих работах термин «общество второй волны», применяя аналогичный набор характеристик. В качестве промежуточного вывода можно отметить, что точка зрения, согласно которой возникновение первых форм менеджмента совпадает по времени с началом промышленного переворота, является доминирующей в современной истории управленческой мысли. Для примера можно привести книгу Дж. Вилсона и Дж.Ф. Томсона, обосновывающую ее на «эталонном» материале Великобритании, как известно, первой совершившей переход от традиционного к индустриальному обществу [5]. Формирование рыночных отношений при подобном подходе связывается, в основном, с определенными технологическими процессами.

Подобный подход к описанию истории управления является уже традиционным, но, несмотря на этот факт, имеет и достаточно существенные изъяны. Из рассмотрения и анализа изымается принципиально важный этап истории управленческой мысли, связанный с зарождением собственно рыночного уклада, а затем и рыночной экономической системы. М. Витцель и М. Уорнер, в частности, весь период до начала промышленной революции относят к так называемому «протоменеджменту» [6]. Данный термин представляется слишком неконкретным, вбирающим в себя излишне широкий комплекс значений. Кроме того, исследования в области собственно истории менеджмента, как правило, достаточно конкретны в географических и хронологических рамках, тогда как о «протоменеджменте» пишется, как правило, в общем, без подробной привязки к времени и региону.

Процесс генезиса капитализма в оценке современных историков

Развитие управленческих воззрений и практик изучается, как было показано выше, в определенном и достаточно узком контексте. Для истории изучения управленческих или менеджеральных практик сам процесс возникновения капитализма представляется малозначительной проблемой. О нем, как правило, говорится в общем, без сколько-нибудь конкретной детализации.

Отсюда вытекает принципиальное, на наш взгляд, противоречие между концептуальными построениями отдельных авторов, специализирующихся на изучении истории управления, и конкретно-историческими исследованиями, посвященными зарождению собственно капиталистических форм организации экономики. Между тем, сама проблема генезиса капитализма представляется пока что далекой от своего окончательного разрешения. В ряде работ историков проводится мысль, что зарождение капитализма, первые его проявления относятся к существенно более раннему хронологическому периоду, чем

утверждается в исследовательской и учебной литературе, посвященной истории менеджмента, а именно к периоду XIV–XV вв. В частности, мысль о начале процесса генезиса капитализма еще в период Средневековья отражена в последнем обобщающем труде по Всеобщей истории, созданным российской историографией [7]. По мысли автора соответствующего раздела в томе, М.А. Юсима, экономические трансформации осуществлялись «благодаря расширению обменных, рыночных процессов, увеличению объемов производства и торговли» [7, с. 725]. Там же говорится и о том, что изменяется «отношение к деньгам и понимание их природы». Подобный подход характерен и для фундаментальных зарубежных трудов, посвященных собственно истории капитализма. Классическим примером может служить первый том «Кембриджской истории капитализма». В нем процесс зарождения раннекапиталистических отношений и развитие позднесредневековой Европы, прослеженный на достаточно широком фоне, как хронологическом, так и географическом, понимается скорее в контексте преемственности, чем разрыва [8].

Существуют, разумеется, и альтернативные объяснительные модели, акцентирующие внимание как раз на принципиальном несходстве, разрыве между средневековыми, оказывавшимися, кстати, на удивление устойчивыми формами, и новыми, капиталистическими. В числе главных теоретиков идей «креативного разрушения» (creative destruction) может быть назван, разумеется, Й. Шумпетер [9]. Идеи Шумпетера оказались на удивление плодотворными для целого ряда как ученых, так и теоретиков бизнес- и менеджериальных процессов. К числу первых, пытающихся объяснить устройство современного мира, можно отнести Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона с их нашумевшей книгой [10]. В более прикладной по характеру, но также основывающейся на идеях Шумпетера книге К. Кристенсена, высказываются схожие взгляды [11].

Дискуссионный характер носит и вопрос о времени зарождения капиталистических отношений. Основной альтернативой отмеченной выше точке зрения на момент зарождения капиталистических отношений в период XIV–XV вв. служит мнение, высказанное еще в 1946 г. М. Доббом [12]. По Доббу, только лишь XVI в. можно рассматривать как начальную точку в процессе формирования капитализма. Точка зрения Добба в дальнейшем была развита в трудах И. Валлерстайна [13]. Тенденция отодвигать процесс формирования капитализма дальше от Средневековья нашла свое выражение в работах Патрика Мэннинга [14] и С. Хантингтона, с его концепцией «великого расхождения» [15]. Теоретические построения и Мэннинга, и Хантингтона имеют немало общих черт. Оба исследователя предпочитают рассматривать капитализм в проявлениях, наиболее близких к современным. Переходные же формы их практически не интересуют. Обращает на себя внимание и то, что формирование капиталистической системы тесно связывается ими с расширением колониальной экспансии европейских государств, процессом формирования колониальных империй. Еще одна схожая черта, которая является как достоинством, так и недостатком их концепций, — это их глобалистский характер, существенно снижающий доказательный аспект их выводов. Подобная методологическая аберрация приводит к смещению не только хронологического, но и географического фокуса, ведь в центре внимания оказываются не первые очаги зарождения капитализма, Италия и Германия, сколько «образцовая» Великобритания. Это, на наш взгляд, приводит к недостаточной системности в исследовании такого важного процесса, как зарождение менеджмента.

Взгляды на развитие менеджмента в специализированной литературе

Подобный подход, описанный выше, дает и несколько однобокий взгляд на развитие менеджериальных процессов. Для авторов, связывавших возникновение менеджмента с процессом индустриализации, будущее в целом, как и будущее менеджмента в частности,

описывалось в терминах «постиндустриальное общество» (Э. Белл) [16], «общество третьей волны» (Э. Тоффлер) [17]. Однако они совершенно не учитывали существование альтернативных прогностических моделей. Практически одновременно с трудами Белла и Тоффлера одной из самых громких стала концепция итальянского мыслителя Р. Вакки. В своей работе «Ближайшее средневековое будущее» он предрекал наступление качественно нового этапа в жизни человечества — так называемого «нового средневековья» [18]. Хотя о его наступлении писали задолго до Вакки, именно он придал ему не столько возвышенно-романтический аспект, сколько прагматический, самым тесным образом связанный с проблемами управления. Об этом красноречиво говорил подзаголовок его эссе, «упадок больших систем». В теории Вакки, что представляется самоочевидным и даже несколько банальным, управление в качестве одной из своих главных функций осуществляет деятельность по прогнозированию. Описывая специфику современного¹ прогнозирования, он отмечает постоянное увеличение темпов развития [18, с. 15] как в количественном, так и в качественном аспекте. Однако, отмечает Вакка, любое развитие завершается выходом на плато, после чего неизбежно наступает спад [18, с. 17]. Проводя исторические параллели, он пишет о падении Западной Римской империи и наступлении темных веков (dark ages). Причем прошлое Ваккой рассматривается как одна из возможных моделей для будущего. Прогнозируя наступление новых темных веков, итальянский мыслитель рассматривает их как «как период, проходящий между моментом, когда достигается максимальное превышение, и моментом, когда минимум пройден и начинается новый период расширения» [18, с. 17]. Главными чертами этого периода, по Вакке, будут — регресс и упадок, распад больших систем на ряд более мелких и независимых. Промежуточный вывод, в контексте сказанного, представляется нам однозначным: пристальное изучение с акцентом на возможное применение исторического опыта специалистами по управленческим наукам вообще и менеджменту, как специфической разновидности управления, в частности.

Понятие «большая система» в теории Р. Вакки

От общего пессимистического прогноза в отношении будущего больших систем Вакка переходит к детальному анализу того, что же, собственно говоря, распадётся. Большая система, по Вакке, это организация «функции которой включают следующие факторы: достаточно большое количество людей, участвующих в ней в качестве операторов или пользователей; определенные процедуры, фактически или потенциально формализованные; использование машин или аппаратов, при помощи которых все эти элементы служат особыми средствами для достижения определенной цели» [18, с. 30]. В качестве примеров подобных больших систем он приводит различные виды транспорта, почту, регулирование дорожного движения и целый ряд других. Основная слабость подобных структур, согласно итальянскому футурологу, это их чрезмерная сложность и трудности, связанные с адаптацией данных систем под новые потребности. Переформатирование больших систем в построениях Вакки осуществляется в основном на основе определенных моделей, математических, прежде всего. Отмечая слабость такого подхода, он пишет, что итоговый результат может значительно отличаться от реальных потребностей той или иной отрасли [18, с. 32]. Рассуждения Вакки могли бы считаться лишь теоретизированием, совсем не актуальным в наше время, если бы не становящаяся все более заметной концепция так называемого цифрового средневековья.

¹ Необходимо отметить, что первое издание труда Вакки вышло в 1971 г., но, полагаем мы, данная тенденция наблюдается и сейчас.

Особую, если не сказать пугающую, актуальность почти что полувековым рассуждениями придает оперирование понятием «цифровой темный век». Данный термин впервые был использован еще в 1997 г. на конференции Международной федерации библиотечных ассоциаций² и учреждений и с тех пор активно вошел в научный и публицистический лексикон. Необъятная сама по себе тема требует специального исследования, однако отметим, что для управленцев и менеджеров всех уровней она представляется особенно актуальной. Информация, как известно, является основным предметом труда в менеджменте, и нынешняя ситуация порождает в этой связи значительные трудности. Перечислим лишь некоторые, имеющие очевидные «средневековые» параллели. Как и в средние века, основная проблема для менеджера — это отбор и фильтрация информации, достойной фиксации на материальном носителе. Основная тенденция в развитии практически всех современных процессов — это их цифровизация, перевод в виртуальное пространство. При всех видимых плюсах данный процесс имеет и весьма существенные минусы, связанные с риском потери ключевых данных. Приведем несколько конкретных примеров, имеющих отношение как к сфере государственного управления, так и бизнеса.

В 2018 г. администрация штата Мэн официально признала потерю значительного массива документации за период 2005–2011 гг., в частности большей части электронных писем³. Подобные риски характерны и для гигантов IT-индустрии, которые, казалось бы, должны показывать пример надежного хранения информации. В 2019 г. социальная сеть Myspace удалила порядка 53 миллионов файлов⁴, в основном музыкальных, загруженных пользователями в период 2003–2015 гг.⁵ В том же 2019 г. уже другая сеть, Google+, удалила аккаунты нескольких ключевых пользователей, в том числе Ларри Пейджа и Сергея Брина⁶. Вместе с учетными записями удаленной оказалась и важнейшая информация об истории принятия нескольких ключевых решений в истории самой компании Google.

Роль и значение информации в концепции «нового средневековья»

Проблема хранения информации и доступа к ней может быть рассмотрена и в иной плоскости, также весьма «средневековой». Помимо утраты данных, что в определенных управленческих ситуациях может привести к достаточно печальным последствиям, значительной трудностью является и невозможность воспроизвести информацию с имеющихся носителей. Другими словами, источник информации превращается в некий артефакт, неспособный выполнить свое основное предназначение. Красноречивой, на наш взгляд, иллюстрацией данного тезиса, является история собранных к юбилею «Книги Страшного суда» данных, записанных на лазерные диски. Сам проект был реализован в 1986 г., т. е. уже в достаточно технологичное время. Он предусматривал интеграцию данных переписи населения 1981 г. с фотографиями, видеороликами, записанными рассказами местных жителей и т. д. Однако в начале 2000-х гг. выяснилось, что большая часть носителей повреждена, основная

² Internet Archive. Режим доступа: URL: <https://archive.org/details/63kuny1> (дата обращения 08.05.2023).

³ www.economist.com Режим доступа: URL: <https://www.economist.com/open-future/2019/02/21/we-must-fight-to-preserve-digital-information> (дата обращения 08.05.2023).

⁴ www.pitchfork.com Режим доступа: URL: <https://pitchfork.com/the-pitch/history-disappeared-when-myspace-lost-12-years-of-music-and-it-will-happen-again/> (дата обращения 08.05.2023).

⁵ www.bbc.com Режим доступа: URL: <https://www.bbc.com/news/technology-47610936> (дата обращения 08.05.2023).

⁶ www.why.org Режим доступа: URL: <https://why.org/articles/if-its-online-its-not-permanent-internet-archives-can-disappear/> (дата обращения 08.05.2023).

часть данных безвозвратно потеряна⁷. Параллели с началом средневековья, когда значительная часть письменного наследия Римской империи оказалась фактически недоступной, но по несколько иным причинам, очевидна. Представляется, что и для современного менеджмента это также представляет весьма актуальную проблему, размышление над которой, полагаем мы, будет более продуктивным при анализе соответствующего средневекового материала.

Еще одна из проблем, затронутых автором «Грядущего средневекового будущего», тоже касалась информации. Если приведенные выше цитаты и примеры касались информации и ее роли в управлении вообще, то в одной из частей работы Вакка коснулся и специфического сюжета, связанного с проблемой передачи и циркуляции знаний. По нашему мнению, данный сюжет также является глубоко «средневековым» и одним из самых актуальных. Актуальным и как чисто исторический, касающийся собственно средневековья, так и в контексте «цифрового средневековья». Рассуждения Вакки по этому поводу относятся к заре компьютерной эпохи, но, полагаем мы, большая их часть остается глубоко актуальной и в наше время. Оставляя в стороне общее рассуждения о тогдашней и, добавим, нынешней роли компьютеров в бизнес-процессах, отметим, что главный тезис Вакки — лавинообразное увеличение количества информации — вряд ли у кого-то вызовет возражения. Тогда же, т. е. в начале 1970-х гг. XX в., была обозначена и главная проблема: дальнейшее бесконтрольное разрастание данных стало следствием способности компьютеров ее обработать, вместо того, чтобы добиться противоположного [18, с. 90]. Т. е. использование новейших средств только усугубляло проблему, а не разрешало ее.

Проблема увеличения объема данных рассматривается в «Грядущем средневековом будущем» и в более широком контексте. Вакка пишет: «даже если бы ученый рассмотрел только те из них (т. е. соответствующие тематике его исследований публикации — Г.А.), которые касаются его собственной области исследований, он не мог бы надеяться, что у него будет достаточно времени, чтобы изучить их все, чтобы выяснить, не опубликовал ли уже кто-то результаты, к которым относится его новое направление» [18, с. 91]. Приведенная цитата звучит особенно остро в контексте инновационной экономики, постоянной ориентации на внедрение в производство различных научно-технических открытий. Каковы же рецепты, предлагаемые итальянским автором, и причем тут средневековье? Во-первых, Вакка приводит общие рассуждения на тему того, что существующие «правила игры» требуют от участников постоянного текстопорождения, написания все новых и новых научных статей [18, с. 92], реальная ценность которых ничтожна. Отсюда, делает он вывод, необходимо перенаправить усилия, сделать процесс оценки результатов менее количественным. Однако Вакка предлагает и более радикальные методы борьбы с тиражированием малоценной информации. Речь идет о хранении неопубликованных статей в особых архивах или репозиториях без их полноценной публикации. По мысли итальянского автора, подобные хранилища публиковали бы только краткие резюме статей, а доступ к полным текстам был бы возможен только по специальному запросу [18, с. 92]. Также в качестве радикального средства, что признает и сам автор, рассматривается возможность насильственного ограничения числа газет и журналов для публикации исследований [18, с. 91].

Данные рассуждения Вакки, как представляется, могут быть сравнены с деятельностью одного из главных средневековых институтов, ответственного за регулирование информационных процессов в позднесредневековом обществе, а именно Святой инквизиции. Любые аналогии, разумеется, отличаются относительной точностью, но предложения Вакки сразу же вызывают сравнения с «Индексом запрещенных книг» и сопутствующими процессами, итогом которых являлось сожжение неудобных книг. Разумеется, построения

⁷ www.yalealumnimagazine.org Режим доступа: URL: <https://yalealumnimagazine.org/articles/5113-the-digital-dark-ages> (дата обращения 08.05.2023).

Вакки подспудно строятся на том, что эта регулирующая деятельность будет основана на началах беспристрастности, выявления всего лучшего и борьбу со всем худшим. Но концентрация в руках одного актора подобных полномочий в условиях (пост)информационного общества может привести к возникновению у него собственных интересов, которые в контексте выбранной нами проблематики могут затрудить, а то и сделать ведение бизнеса невозможным.

Еще одна сторона проблемы переизбытка информации в труде Вакки только намечена, но в нынешних условиях является одной из важнейших и для мира вообще, и для менеджмента в частности. Речь идет о проблеме обучения и приобретения новых знаний. Сам автор об этом высказался довольно кратко, из-за присущего его работе глобального взгляда. Но суть проблемы отражена им предельно четко, в гигантских массивах информации «ничто не позволит будущим студентам найти в них то, что им нужно, кроме чистой мощности и скорости гигантских электронных компьютеров» [18, с. 91].

Образование, «новое средневековье» и вызовы современности

Современная образовательная модель, в первую очередь университетская, благодаря которой, собственно говоря, и происходит пополнение кадрового потенциала организаций, переживает период радикальных трансформаций. Но некоторые ее черты, как мы полагаем, имеют отчетливо выраженные средневековые параллели. Продуктивным в этой связи видится подход, сравнивающий актуальные, на наш взгляд, черты средневековых университетов и современные образовательные, в том числе внутриорганизационные и внутрикорпоративные практики. Обратим внимание на то, кто же, собственно говоря, учился в средневековых университетах. По мнению ведущего отечественного специалиста по истории университетской культуры, в средние века «среди студентов можно было встретить как детей и подростков, так и убеленных сединами старцев»⁸. Разумеется, большинство современных университетов в этом смысле гораздо более однородны. Но, если речь заходит о внутриорганизационном или корпоративном обучении, то картина представляется весьма схожей. Ведь учиться, как правило, разнородный коллектив сотрудников. Еще одной, важной, на наш взгляд, чертой средневековых университетов был их корпоративный характер. Корпоративный, разумеется, в средневековом смысле этого слова, а не в современном. Уже цитированный выше П.Ю. Уваров отмечает: «попадая в университет, человек оказывался включенным в систему связей сразу нескольких корпораций»⁹. Главный принцип многих подобных корпораций — землячество, объединение выходцев из одной области. Чаще всего такие объединения назывались «нации», каждая из которых «защищала имущественные права своих членов, отстаивая их интересы, если им мешали вовремя получить степень, занять очередную университетскую должность или быть включенным в “ротулы”»⁹. Мы полагаем, что ближайшей параллелью к подобного рода корпорациям может служить современный феномен онлайн-сообществ. Эта тема требует, разумеется, отдельного исследования, однако уже сейчас можно отметить, что практика взаимодействия менеджериальных структур с подобными сообществами особенно актуальна как для управленцев собственно образовательных структур, так и для иных акторов, оценивающих сообщество, например, как будущий кадровый ресурс для организации. В этом смысле средневековый опыт представляется плодотворным как для поиска конкретных решений, так и для плодотворного обсуждения тех или иных проблем.

⁸ Словарь средневековой культуры. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 631, с. 546.

⁹ Словарь средневековой культуры. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 631, с. 548.

Современными специалистами по развитию образования в качестве основной черты нередко выделяется утрата монополии современных университетов на предоставление знания. Если в средние века право и привилегия преподавания распространялась лишь на узкую группу лиц, прошедших долгую и тщательную выучку, получивших опять-таки корпоративное признание, то теперь источником знания может стать фактически любой желающий. В качестве примеров обычно приводят так называемые MOOKи (массовые открытые онлайн-курсы) и, вспомним цитированные выше рассуждения Р. Вакки о бесконтрольном росте информации, открытые платформы для выкладки результатов научных исследований, например, [academia.edu](https://www.academia.edu), сервис [sci-hub](https://www.sci-hub.org) и целый ряд других. В этом смысле классическая университетская система с жестко структурированным образовательным процессом (учебные занятия с фиксированным расписанием, организованное в жесткой логической последовательности планомерное изучение ряда дисциплин, определенным образом структурированный подход к учебному материалу, формальные процедуры оценивания полученных знаний) заменяется более гибкой, нацеленной на индивидуальные потребности человека. Однозначная оценка данного процесса, на наш взгляд, невозможна в принципе, важным нам видится другое. Выход на первый план фигуры тьютора, фигуры, согласно мнению исследователей, глубоко средневековой. Согласно современным подходам, тьютор — это человек, помогающий выстроить индивидуальный образовательный маршрут, при необходимости его дополнить и скорректировать [19]. Также тьюторство в значительной степени нацелено на развитие так называемых *soft skills*, умения формулировать собственную точку зрения, аргументированно ее отстаивать, выдерживать критику и целый ряд других. Особую актуальность тьюторство приобретает в современных организациях, где постоянное обучение/переобучение сотрудников является одним из условий успешной конкуренции. При учете финансовой составляющей процесса, разумеется.

Однако все современные образовательные технологии не удовлетворяют работодателей. Согласно данным, например, Минобрнауки «91 % работодателей по-прежнему жалуются на недостаток практических навыков, а более 40 % российских студентов считают обучение в вузе оторванным от требований рынка труда»¹⁰. В этом смысле кадровый менеджмент организаций стоит перед непростым выбором: требовать от кандидатов обязательного диплома о высшем образовании, оценивать реальные навыки кандидатов без формального подтверждения или обучать/переобучать кандидата уже внутри организации? Данная проблема, полагаем мы, имеет очевидные средневековые параллели, вдумчивый анализ средневековых теории и практики, думается, может быть весьма продуктивным.

Конкретный источниковый материал позволяет наметить основные механизмы подобного внутрикорпоративного обучения, а их сравнение с современными может натолкнуть на весьма интересные наблюдения. В качестве примера нами будет проанализирован случай поступления в ученики юноши по имени Тенис [20, с. 56]. Наставником для него стал кельнский золотых дел мастер Айльф Брувер. Срок ученичества Тениса, судя по данным источников, был четко определен, и составлял значительный срок в 8 лет [20, с. 56]. Оценивать подобную продолжительность обучения можно по-разному, однако обратим внимание на ряд моментов. Принятый в средние века срок поступления в ученики, как правило, 7 лет, что дает нижнюю границу самостоятельной возможности заключения трудового договора, 16 лет, — согласно нынешнему законодательству РФ. Также подчеркнем, что срок в 8 лет, особенно в нынешних условиях, соответствует представлениям о долгосрочном планировании деятельности организации. Т.е. кадровый менеджмент и специалисты по управлению человеческими ресурсами получают определенные возможности по планированию и использованию данного потенциала. Важно отметить, что внутриорганизационное обучение,

¹⁰ www.kommersant.ru Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5078746> (дата обращения 08.05.2023).

особенно в течение такого длительного периода времени, было связано не только с передачей конкретных и тщательно оберегаемых трудовых навыков. За это время происходило усвоение определенных корпоративных ценностей и моделей поведения, формировались особые стиль жизни и стиль мышления. В итоге определенное ремесло «на выходе» получало не только человека, обладавшего определенными трудовыми навыками, но и готового интегрироваться в социо-профессиональные структуры.

Знание в позднесредневековом мире представляло собой немалую ценность, и его неправомерная монетизация, самостоятельное занятие ремеслом ранее положенного срока, каралась достаточно сурово. Договор между мастером Брувером и отцом Тениса предусматривал, что, в случае бегства из ученичества последнего и открытия собственного дела, по требованию мастера должен быть уплачен штраф на значительную сумму в 42 гульдена [20, с. 56]. Отношения между мастером и учеником, тем не менее, носили двусторонний характер. Сам мастер из своих знаний не только извлекал определенную выгоду, в случае Тениса его отец платил за обучение 16 гульденов, но и имел перед учеником определенные обязательства, в нашем случае — кормить его на протяжении 8 лет [20, с. 56], а в случае смерти возместить отцу сумму в 8 гульденов [20, с. 56]. Как видно, средневековые практики трудовых отношений довольно эффективно боролись против одного из самых распространенных явлений в современных организациях, а именно, текучки кадров.

Проанализированный выше материал находит достаточно зримое подтверждение в статистических материалах, имеющих отношение к современной европейской экономике. Подчеркнем в этой связи, что сама экономическая парадигма ЕС описывается некоторыми исследователями как «новая ремесленная экономика». Согласно современным оценкам, среднестатистическая организация в ЕС состоит из 6 сотрудников, а большинство малых предприятий насчитывает 4–5 человек персонала. Данные цифры вполне сопоставимы с численностью средневековой ремесленной мастерской, тоже, как правило, состоящей из 5–6 человек, мастера-ремесленника, нескольких подмастерьев и нескольких учеников. Еще красноречивее следующая статистика: сектор малых предприятий объединяет в современном ЕС 70 % трудоспособного населения [21, с. 206]. Несколько иные подсчеты показывают, что от 12 до 25 процентов рабочих мест в несельскохозяйственном секторе составляют именно ремесленные предприятия [21, с. 206]. Впечатляющие данные о роли нового ремесленного уклада дает анализ крупнейших европейских экономик, французской и немецкой. Во Франции порядка 2 миллионов человек, т.е. 10 процентов экономически активного населения, не занятого в сельском хозяйстве, работают в ремесленном секторе [21, с. 208].

Еще большую роль новый ремесленный уклад играет в немецкой экономике. Более четверти всех предприятий являются ремесленными (27 %, 962 тыс.) [21, с. 206]. На них работают 4.8 млн. человек (12 % от всех занятых в немецкой экономике), из которых 438 тыс. человек прошли тол или иное производственное обучение (30 % учеников) [21, с. 206]. Лидерские же показатели демонстрирует Италия: 33 % предприятий итальянской экономики являются ремесленными. На их долю приходится 15 % ВВП и более пятой части (21 %) всех рабочих мест [21, с. 206].

Преодоление «нового средневековья» в концепции Р. Вакки

Последние главы труда Р. Вакки носят, возможно, наиболее спорный характер, поскольку посвящены потенциальным стратегиям, обеспечивающим выход из «грядущего средневековья». По мнению мыслителя, смягчение последствий кризиса возможно благодаря формированию некоего нового мировоззрения, глобальной парадигмы. Сам Вакка именует ее «новой традицией», чему посвящена специальная глава его трактата [18, с. 153]. По нашему

мнению, что мы и попытаемся доказать ниже, суть многих предложений философа, нацеленных на преодоление деструктивных проявлений «нового средневековья», носит глубоко средневековый характер. Многие в теории Вакки касаются работы того, что в современных терминах могло бы быть названо экспертным сообществом. Случаи «вопиющей некомпетентности должны разоблачаться теми, кто о них знает. Суждение должно быть третейским и гораздо более суровым, чем того требует ситуация» [18, с. 154]. Крайне любопытной представляется и мысль ученого о том, что последствия такого рода наказаний будут эффективны только в том случае, «если они безжалостны, и только если они вызывают страх божий в виновных» [18, с. 154]. Одной из самых известных интерпретаций цивилизации средневекового Запада является та, согласно которой это — цивилизация, основанная на нормах и принципах христианской религии в ее католической интерпретации. Так что, согласно Вакке, деструкции «нового средневековья» могут быть преодолены при помощи наследия средневековья классического. Мысль о высоких стандартах оценки деятельности профессионалов, менеджеров в том числе, развивается Ваккой и далее. Он пишет: «мягкий и терпимый способ, которым ученые и другие специалисты оценивают, рецензируют и поддерживают работу друг друга, должен быть объявлен вне закона» [18, с. 154]. По существу, предложения Вакки в полной мере соответствуют средневековому подходу на право занятия тем или иным видом деятельности. Человек, не соответствующий внутрикорпоративным стандартам, не имеет права заниматься ремеслом, он не может примкнуть к сообществу достойных. Другими словами, профессия по мнению итальянского мыслителя, это не только профессиональные навыки, где-то и как-то приобретенные, но и одобрение членов сообщества. Еще одно предложение Вакки, по нашему мнению, также выглядит глубоко средневековым. Он пишет: «каким бы одиозным ни было слово «религия», высокий и непреклонный стандарт морального суждения должен быть восстановлен как религия в школах и университетах и при назначении на высокие посты» [18, с. 154]. В этом, подчеркнем, состоит подлинно средневековый подход к праву занятия той или иной профессией. Просто знаний, умений и навыков недостаточно, мастер-ремесленник обязан был быть добрым христианином, в противном случае все сделанное им, даже несмотря на высокое качество, по определению несло не себе печать греха. Религиозный критерий подразумевается Ваккой как значимый фактор при занятии определенных управленческих позиций.

От общих принципов организации профессиональной сферы Вакка переходит и конкретным предложениям по смягчению трудностей переходного периода. Еще раз акцентируем внимание, что они носят не только вполне средневековый, но и отчетливо религиозный характер. Проводя параллели с закатом античного мира и процессом сохранения культурного наследия, Вакка предлагает организовывать особые группы, «хранителей цивилизации и катализаторов будущего возрождения» [18, с. 163]. Ближайшую историческую параллель он видит в средневековых монашеских общинах [18, с. 163]. Сравнивая их, он отмечает ряд схожих черт, в первую очередь, — глубокие отличия по своему устройству и целям существования от всего окружающего их мира [18, с. 163], характерными чертами которого являлись, и будут являться, бедствия и беспорядок [18, с. 163]. Разумеется, Вакка, что подчеркивает он сам, далек от установления прямого тождества между ними, он, к его чести, указывает и на определенные недостатки подобного способа организации. Но общая тональность его рассуждений позволяет сделать вывод, что «новое монашество» представляется если и не оптимальной, то вполне пригодной структурой. История, согласно Вакке, носит циклический характер, прогнозируемый им в результате наступления «нового средневековья» упадок цивилизации будет преодолен в результате наступления «нового Ренессанса», который в своих сущностных характеристиках будет походить на своего итальянского предшественника.

Резюмируя сказанное выше, хочется отметить, что доминирующая ныне модель будущего развития экономики, управленческих наук и цивилизации основывается на концепте «постиндустриальное общество», что, наряду с несомненными достоинствами, таит и известные ограничения. Использование альтернативных объяснительных систем, например, концепции «нового средневековья», представленного не только в трудах Р. Вакки, существенно обогащает и дополняет прогностические возможности управленцев, теоретиков и практиков менеджмента. Более глубокое внимание к идеям и практикам управления в эпоху средневековья, новая интерпретация старых проблем и постановка новых задач, решаемых на средневековом материале, имеют не только общетеоретическую и общенаучную значимость, но и таят мощный прикладной потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Heilbroner R. The Worldly Philosophers: The Lives, Times and Ideas of the Great Economic Thinkers. / R. Heilbroner — N.Y.: Simon & Schuster, 1953. — P. 347.
2. Polanyi K. The great transformation: the political and economic origins of our time. / K. Polanyi — N.Y.: Farrar & Rinehart, 1944. — P. 317.
3. Bell D. The cultural contradictions of capitalism. / D. Bell — N.Y.: Basic Books, 1976. — P. 301.
4. Toffler A. Future Shock. / A. Toffler — N.Y.: Random House, 1970. — P. 505.
5. Wilson J.F., Thomson A. The Making of Modern Management. British Management in Historical Perspective. / J. Wilson, A. Thomson — Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2009. — P. 320.
6. Witzel M., Warner M. Taylorism Revisited: Culture, Management Theory and Paradigm-Shift / M. Witzel, M. Warner // Journal of General Management. — 2015. — V. 40, № 3. — P. 55–69.
7. Всемирная история. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. — М.: Наука, 2012. — С. 893.
8. The Cambridge History of Capitalism. Volume 1: The Rise of Capitalism: From Ancient Origins to 1848. / — N.Y.: Cambridge University Press, 2014. — P. 616.
9. Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. / J. Schumpeter — N.Y.: Harper & Brothers, 1942. — P. 431.
10. Acemoğlu D., Robinson J. Why Nations Fail. / D. Acemoğlu, J. Robinson — N.Y.: Crown Business, 2012. — P. 544.
11. Christensen C. The Innovator's Dilemma: The Revolutionary Book that Will Change the Way You Do Business. / C. Christensen — N.Y.: Harper Books, 2000. — P. 286.
12. Dobb M. Studies in the Development of Capitalism. / M. Dobb — London: G. Routledge & Sons, 1946. — P. 396.
13. Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. / I. Wallerstein — London, N.Y.: Academic Press, 1974. — P. 410.
14. Manning P. Slavery and African Life: Occidental, Oriental, and African Slave Trades. / P. Manning — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — P. 236.

15. Huntington S. Clash of Civilizations. / S. Huntington — N.Y.: Simon & Schuster, 1996. — P. 367.
16. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. / D. Bell — N.Y.: Basic Books, 1973. — P. 507.
17. Toffler A. The Third Wave. / A. Toffler — N.Y.: Morrow, 1980. — P. 544.
18. Vacca R. The Coming Dark Age. / R. Vacca — N.Y.: Doubleday, 1973. — P. 221.
19. Gordon E., Gordon E. Centuries of Tutoring: A History of Alternative Education in America and Western Europe. / E. Gordon, E. Gordon — Boston: University Press of America, 1990. — P. 437.
20. Немецкий город XIV–XV вв. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. — С. 176.
21. Водянова И.Н. Новая ремесленная экономика как вид малого предпринимательства / И.Н. Водянова // Проблемы теории и практики предпринимательства. — 2010. — № 2. С. 206–209. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-remeslennaya-ekonomika-kak-vid-malogo-predprinimatelstva/viewer> (дата обращения 08.05.2023).

Agapov Gleb Aleksandrovich

Financial University under the Government of the Russian Federation
Smolensk branch, Smolensk, Russia
E-mail: gaagapov@fa.ru

The concept of the «coming dark age» and modern management: to the formulation of the problem

Abstract. The article analyzes some aspects of one of the most notable theories describing possible scenarios for the development of the most developed countries of the world, the concept of the «coming dark age» by the Italian mathematician and writer Roberto Vacca. The author analyzed the key provisions of this theory, namely the concept of a «large system», its structure and scenarios for a possible collapse. Considerable attention is paid to the interpretation of R. Vacca of the role and place of information in the modern world, the key provisions of his theory concerning the problems of using data in modern management are analyzed. Particular attention is paid to the proof of the theoretical provisions of R. Vacca on the actual material. The problem of using the latest tools for analyzing information in modern management is also touched upon. The author studied the views of the scientist on the problems of education and training in the context of modern personnel management. Actual problems of training and retraining of personnel were studied in comparison and comparison with the educational practices of the middle ages. The objects of the comparative analysis, performed on the specific material of the sources, were both medieval universities and intra-shop educational models. The article paid attention to the problems of expert evaluation of knowledge developed in the work of R. Vacca, the scientist's proposals on new ways of preserving information in the conditions of the «coming dark age». The author also studied the specific proposal of the scientist to mitigate the negative consequences of the onset of this expected period. The conceptual provisions of R. Vacca were analyzed in a broad historiographic context, the works of specialists in management theory and the history of economic development. For greater heuristic usefulness, individual theses of the Italian scientist chosen by us were analyzed in comparison with the most popular concepts that also appeal to the middle ages, namely, the «new handicraft economy» and the «digital middle ages».

Keywords: R. Vacca; «coming dark age»; «digital middle ages»; new handicraft economy; training of personnel; retraining of personnel; modern personnel management